

EDN: UWVYDD
УДК 811.111(=1–81)(739.8)

Alaskan English: Regional, Generational, Ethnic and Cultural Peculiarities

Anastasia A. Grigoryeva* and Mira B. Bergelson

*HSE University
Moscow, Russian Federation*

Received 22.10.2023, received in revised form 02.11.2023, accepted 08.04.2024

Abstract. Alaskan English (AE) refers to a regional variety of English in Alaska, previously known as Village English. Surprisingly, with a lot of research of English as lingua franca and also of the numerous variants or dialects of English, this particular variety has not received much attention from scholars and still remains largely underinvestigated. AE has distinct linguistic characteristics as compared to Standard American English, the emergence of which can be considered the result of incomplete language acquisition, contact phenomena, including with Russian and Alaskan Native languages, and the influence of numerous sociolects. The present work encompasses the analysis of English language narratives of Native Alaskans (mainly Athabaskans) who live in the Upper Kuskokwim region. One of the aims of this research project is to explore the specificities of Alaskan English that may depend on the ethnic, social and generational differences of its speakers, as well as the ways of its acquisition.

Keywords: linguacultural community, Alaska, regional variety, English, Russian America.

Research area: social structure, social institutions and processes.

Citation: Grigoryeva A.A., Bergelson M. Alaskan English: Regional, generational, ethnic and cultural peculiarities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(5), 993–1004. EDN: UWVYDD

Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности

А.А. Григорьева, М.Б. Бергельсон

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Термин «аляскинский английский» (англ. Alaskan English; AE) относится к специфической региональной разновидности английского коренных жителей Аляски, ранее известной как Village English. Несмотря на то что существует множество исследований, посвященных английскому языку как лингва франка и его разновидностям, аляскинская разновидность до сих пор не получила должного внимания со стороны научного сообщества. Аляскинский английский имеет ряд отличающих его от стандартного американского английского характеристик, сформировавшихся в результате неполного усвоения языка коренными жителями, культурных и языковых контактов (в частности, с русским и местными языками), а также влияния различных социолектов. В данной работе особенности феномена проанализированы через нарративы нескольких поколений атабасков, коренных жителей Аляски, проживающих в районе верхнего течения реки Кукоквим. Основной целью исследования предстает рассмотрение характерных черт аляскинского английского, в том числе зависящих от этнических, социальных и поколенческих особенностей говорящего, а также условий освоения им английского языка.

Ключевые слова: лингвокультурное сообщество, Аляска, региональный вариант, английский язык, Русская Америка.

Научная специальность: 5.4.4 – социальная структура, социальные институты и процессы.

Цитирование: Григорьева А. А., Бергельсон М. Б. Аляскинский английский: этнические, культурные и поколенческие особенности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(5), 993–1004. EDN: UWVYDD

Введение

Как известно, в мире насчитывается великое множество региональных разновидностей английского языка. Одной из наиболее интересных с позиции научных исследований является разновидность английского, используемая коренными жителями сельских районов Аляски (так называемых бушей) и известная до 70-х годов прошлого века в основном под названием Village English (Jones et al., 2013: 4). Стоит отметить, что данный термин не относится к различным вариациям

английского «белого» населения Аляски, прибывшего на территорию сравнительно недавно; можно сказать, что английский этих групп практически не отклоняется от стандарта, в отличие от языка коренного населения. Несмотря на то что феномен аляскинского английского существует уже продолжительный период времени, он до сих пор остается малоисследованным. Упоминания о явлении редко можно встретить в перечнях региональных вариантов, и сегодня по-прежнему крайне малое количество исследователей

в своих работах полноценно раскрывают тему с точки зрения характеристик и функционирования Alaskan (Village) English, причин его появления и распространения, а также других не менее важных аспектов. По этой причине необходимо глубокое и всестороннее изучение специфики региональной разновидности английского коренных жителей штата (в том числе ее вариаций) и наиболее вероятно повлиявших на нее факторов.

Целью исследования, о котором пойдет речь в данной статье, является выделение главных характеристик и социолингвистических особенностей английского языка коренного населения Аляски, включая те, что отличают разновидность от стандартного американского английского. Основой для исследования предстает английский, используемый группой индейцев-атабасков, проживающих в районе верхнего течения реки Кускоквим. Что касается непосредственно материалов для представляемого анализа, ими стали транскрипты интервью на английском языке, включающие в себя нарративы мужчин и женщин-старейшин (так называемых *elders*) населенного пункта Николай, которые были собраны во время экспедиций на Аляску. Выбранная группа жителей представляет собой единственное в рассматриваемой местности двуязычное поколение, и, к сожалению, значительной части респондентов уже нет в живых. Поделившиеся рассказами представители старшего поколения были рождены в 20–30-х годах 20 века, в раннем детстве вели традиционный для местности образ жизни и владели исключительно верхнекускоквимским языком. Позднее они стали свидетелями языкового сдвига, который из-за труднодоступности начался в районе их проживания немного позже, чем в других, но происходил достаточно стремительно; его точкой отсчета можно считать открытие школы в 1948 году (Rodli, 1963). Члены группы приступили к освоению английского в школьном или старшешкольном возрасте, однако некоторые начали учить его даже позже. Несмотря на данный факт, они почти полностью стали вести общение со своими детьми на английском. Помимо

этого, дополнительно в качестве материала были проанализированы интервью со следующим поколением, людьми, родившимися в 50–60-х годах прошлого столетия, для которых аляскинский английский является основным (и часто единственным) языком коммуникации либо с рождения, либо с ранних школьных лет. Анализ материалов сосредоточен на характерных особенностях употребления английского языка старшими билингвами и более молодыми поколениями, в частности на построении и структуре высказываний, использовании дискурсивных маркеров и местной лексики, культурно-коммуникативных формулах и моделях, а также социокультурном контексте. Методологической базой для проведения исследования послужили принципы дискурсивного и сопоставительного анализа (Григорьева, 2022).

Языковая ситуация на Аляске в историческом контексте

Коренные народы Аляски достаточно многочисленны и разнообразны. Их можно объединить в три основные категории: алеуты, эскимосы и индейцы; к категории «индейцы» обычно относят атабаскские народы (включая верхнекускоквимцев, или колчан), а также тлинкитов, хайда, цимшианов, аяков и т.д. (Barnhardt, 2001). Каждая из групп придерживалась различных традиционных промыслов и занятий, а также обладала своим уникальным языковым наследием. Согласно выдвигаемым специалистами предположениям, на всей нынешней территории штата до начала периода иностранного освоения использовалось около 300 небольших языков. Однако с течением времени и упрочнением позиции пришедших извне групп их количество значительно сократилось; как следствие, на сегодняшний день «выжили» только лишь 20 коренных языков (Krauss, 1980).

Глубокий след на языковой ситуации на Аляске оставила русская колонизация и функционирование Российско-Американской компании (РАК), занимающейся добычей доступных в регионе ресурсов, прежде всего ценных мехов

(Голомидова и др., 2016). Тогда большое влияние получили русская культура и православное вероисповедание. Вместе с этим, благодаря просветительской деятельности православных миссионеров, разрабатывавших письменность местных языков и открывавших призванные повысить грамотность населения двуязычные учебные заведения, значение и распространение приобрел и русский язык (Barnhardt, 2001). Так, в вокабуляр жителей прочно вошли термины, обозначающие ранее не встречаемые предметы быта, товары и различные виды деятельности, а также понятия, связанные с религией (Петров, 2016; Шеина и др., 2020). В качестве еще одного фактора, укрепившего положение русского языка и развитие двуязычия у населения, можно считать смешанные браки между коренными жителями и русскими колонизаторами, благодаря которым появлялись билингвы, являвшиеся «языковыми посредниками» и способные вести коммуникацию как на русском, так и на аборигенных языках (Голомидова и др., 2016). Немаловажным феноменом, демонстрирующим русское влияние, является и особый вариант русского языка, аляскинский русский, в наибольшей степени сохранившийся в поселении Нинильчик (Бергельсон и др., 2018).

После продажи Аляски Соединенным Штатам Америки в 1867 году и начала американской колонизации, в особенности после начала «золотой лихорадки», на территорию хлынули многочисленные англоязычные группы, обладавшие своей спецификой и в том числе использовавшие различные социолекты (Разумовский, 2015). Они образовывали новые диаспоры, которые со временем становились старыми, в свою очередь, привнося вклад в региональный английский. Со временем они заняли доминантное положение относительно коренных народов и заметно ограничили их в правах. Из-за ассимиляционной политики и сегрегации населения на «цивилизованных белых» и «диких аборигенов» использование родных языков Аляски начало резко сокращаться (Голомидова и др., 2016). В результате этого на данный момент боль-

шинство местных языков либо находятся на грани исчезновения, либо уже вымерли. Из-за курса, выбранного в том числе под влиянием пресвитерианского миссионера и по совместительству первого уполномоченного по вопросам образования Шелдона Джексона, была внедрена дискриминационная политика «English-only» в образовании, трудоустройстве, в правовой и политической системах, и использование местных языков жестко подавлялось даже в форме простой коммуникации в общественных местах (Thompson, 1984). Наиболее сильно запреты и сегрегация по языковому признаку ударили по молодому поколению коренных жителей через образовательные учреждения. В частности, школьников унижали и физически наказывали за разговоры на родных языках на переменах или уроках. Большое количество уже пожилых местных, вспоминая свое детство, признают, что данный опыт оставил отпечаток на всей их жизни и послужил одной из основных причин их отказа от коренных языков. Но эффект принятых местным правительством мер вышел далеко за пределы одного поколения. Бывшие школьники, прошедшие через враждебное отношение, непонимание и стыд, во взрослом возрасте принимали решение общаться со своими детьми только на английском, тем самым пытаясь сделать их жизнь лучше и уберечь от унижений со стороны доминирующих групп в будущем (Alton, 1998). Однако немаловажно отметить, что в силу местоположения некоторых населенных пунктов (к примеру, поселений Центральной Аляски), не вся территория подверглась изменениям одновременно. В частности, район верхнего течения реки Кускоквим довольно поздно соприкоснулся с европейско-американской культурой, однако после открытия в Николае школы в конце 1940-х годов население весьма стремительно (в рамках одного поколения) перешло от двуязычия к почти полному прекращению использования верхнекускоквимского языка (Rodli, 1963).

Все упомянутые ранее события в американском периоде существования Аляски стали своеобразными «триггерами» для

интерференции и смешения местных языков и стандартного английского, а также возникновения билингвизма у коренного населения на фоне неполного усвоения английского языка. В дальнейшей перспективе это повлекло за собой формирование региональной разновидности английского языка, впоследствии набравшей популярность в качестве средства коммуникации не только между «белым» и «племенным» населением, но и в сообществах коренных народов даже на самых труднодоступных территориях (Григорьева, 2022). Для новых поколений местных коренных жителей данная разновидность, в свою очередь, становилась первым, родным языком, т.е. можно в какой-то степени сказать, что произошла креолизация данного средства коммуникации.

Отношение к такому явлению, как Village English, было и является довольно неоднозначным. Долгое время разновидность считалась «неправильным», «ломамым» английским, и на нее смотрели свысока и даже с долей порицания, в особенности прибывшие в регион извне учителя. Однако с дальнейшей сменой курса языковой политики отношение к феномену, как и отношение к самобытности местных народов, начало смягчаться. Согласно исследованию Тарлоу и Джонс, проведенному на Аляске с помощью местных учителей, сейчас в учебных заведениях штата аляскинский английский уже не вызывает негативных откликов, несмотря на осознание важности владения стандартным английским. Но все же во время занятий употребление Alaskan English детьми в их ответах может в ряде случаев расцениваться педагогами как «ошибочное» в свете остаточного представления о явлении как о помехе на пути к успешному будущему учеников (Jones et al., 2013: 4).

Особенности аляскинского английского: теоретическая база

Аляскинская разновидность английского коренных жителей имеет ряд отличительных черт; многие из них представляют собой уникальный набор признаков,

в то время как некоторые могут частично «роднить» аляскинский английский с другими разновидностями языка в силу особенного и насыщенного исторического прошлого, а также местонахождения территории. Несмотря на немногочисленность работ по данной теме, отдельные исследователи отразили некоторые особенности местного английского в своих трудах.

Согласно Расселлу Табберту, значительную часть отличительных характеристик английского Аляски составляет используемая местными жителями самобытная лексика. В своей книге Табберт выделил в Alaskan English огромное количество так называемых аляскианизмов (alaskanisms), сформировавшихся в таких сферах, как профессии или занятия людей, еда, одежда, природа, средства перемещения, культурные особенности и т.д., и обозначающих важные для местности феномены. Многие из них появились под влиянием либо русского языка, либо коренных языков региона. По мнению Табберта, аляскианизмами также можно считать слова, возникшие на Аляске и ставшие частью общего английского, специфические слова или выражения, отраженные в словарях стандартного американского английского, но по-особому используемые на Аляске, слова, специфичные для Аляски и смежных регионов (к примеру, севера Канады) и т.п. (Tabbert, 1991).

Чад Томпсон пишет также и о том, что на особые грамматические, структурные и фонетические характеристики, сформировавшиеся в местном английском, с большой долей вероятности могли повлиять правила коренных языков Аляски. Среди параметров, подвергнувшихся такому влиянию, Томпсон называет передачу времен, аспектов глаголов, категории рода и множественности объектов, порядок слов при словесном выражении мыслей, а также передачу звуковых сочетаний (Thompson, 1984).

Можно наблюдать, что в Village English на Аляске во многом находят отражение особенности изначальных моделей коммуникации коренного населения. К примеру, говоря о коммуникативных чертах,

Мартиндейл связывает специфичность аляскинского варианта с теорией Холла о высококонтекстных и низкоконтекстных культурах (Hall, 1989). Дело в том, что английский язык чаще всего ассоциируется с низкоконтекстными культурами, в то время как аборигенным народам Аляски и их языкам в большей степени присуща высококонтекстность (иносказательность, внимание к невербальным сигналам и т.д.) (Martindale, 2002).

Также к особым характеристикам английского местных жителей Аляски следует отнести важность разного рода пауз и специфическое употребление дискурсивных маркеров. Так, использование дискурсивного маркера «and», который, в отличие от стандартного английского, совместно с заполненными и незаполненными паузами выражает окончание какой-либо мысли (Bergelson, 2019).

Анализ особенностей аляскинского английского в нарративах: первые результаты

1. Нарративы поколения старейшин

Обращаясь к результатам анализа нарративов старшего поколения, немаловажно в первую очередь для понимания контекста упомянуть темы, к которым обращались старейшины-респонденты. В транскриптах интервью атабасков пожилого возраста часто фигурировали истории об опасных случаях на охоте, рассказы о детстве, традиционном образе жизни и промыслах, а также истории, подчеркивающие важность православной религии. Некоторые респонденты делились рассказами о поездках, связанных с учебой или работой. Стоит отметить, что большое количество старейшин-атабасков повествуют о разительных переменах в образе жизни и быстрой потере культуры и языка аборигенных народов, в том числе из-за «американизации» в системе образования. Несмотря на то что рассказчики в основном рассматривают трансформацию своего сообщества в негативном ключе, они придерживаются мнения, что старый уклад и традиции прошлого ушли безвозвратно

и уже не смогут функционировать в современной среде, даже если молодежь будут предприниматься попытки возрождения.

Рассказы респондентов имеют своеобразную структуру, особенности которой связаны с влиянием атабаскской нарративной традиции и в большинстве случаев не свойственны носителям стандартного английского языка. Проанализированные истории можно разделить на циклы, которые возникают в зависимости от реакций или вопросов собеседника. С каждым последующим циклом рассказчик включает в повествование все больше подробностей, заканчивая рассказ только в момент понимания слушателем полного смысла и морали истории. Также цикличность можно заметить в многократных повторениях лексических единиц или определенных важных для автора отрезков рассказа. Так говорящий может выражать свое отношение к произошедшим эпизодам жизни.

(1) «I guess they all waiting for the airplane and the **dogs started howling**, and eh .. they thought they would heard airplane coming and the **dogs started howling**, their **dogs started howling**, and eh .. they heard me. my dogs, myself calling for help..» (.. – паузы различной длительности)

Более того, в некоторых транскриптах интервью, взятых во время экспедиций в Николай, респонденты, приходя к заключению повествования или делая общий вывод для нескольких рассказов, подчеркивают, что их историю слышали и другие люди. В данном случае эта любопытная деталь показывает, насколько в атабаскской культуре, в отличие от более индивидуалистского европейско-американского подхода, важно сделать пережитый человеком опыт общим, в то же время не настаивая на правильности своих выводов.

(2) «I **told the story to my people, not only myself**, my people. but others. I told them how I've been saved / and eh. that what's happened» (/ – знак интонации незавершенности)

Из изученных нарративов можно выделить некоторые типичные для верхнекусоквимцев дискурсивные маркеры. К примеру, в высказываниях подавляющего большинства атабасков старшего возраста частотным является дискурсивный маркер «and», обозначающий в сочетании с заполненными и незаполненными паузами завершение мысли рассказчика; роль данного маркера в нарративах несколько отличается от той, которая присутствует в стандартном американском английском (Bergelson, 2019).

(3) «It's pretty much started changing. a lot of people get killed. and lose life. **and uh**»

(4) «At first it was walking. and then it was starting to speed up. **and eh ..**»

То же самое можно сказать и о нередко употребляемом дискурсивном маркере «you know», придающем динамичность нарративу и, наряду с завершением высказываний, служащем «разделителем» для выражаемых на Alaskan English мыслей (Bergelson, 2019).

(5) «...there= there used to be ... one there **you know**. but that was before my time. **you know**.»

(6) «Mom uh usually tell us “we won't stop until we fill up this bucket”. **you know** and always= there's always a big bucket to fill up. **you know**.» (= – обрыв слова)

В историях представители старшего поколения использовали специфическую лексику или аляскианизмы, касающиеся видов, хранения и приготовления пищи, охоты и расстановки ловушек на зверей, экипировки, а также средств передвижения. Ниже представлены выдержки из рассказов, содержащие некоторые из них.

(7) «In wintertime we could freeze all the berries. In the summertime uh. mom let us pick lots of blueberries. **salmonberries**.»

(8) «Even now. we could do that with **highbush cranberries** still.»

(9) «Yeah **snowmachine** is better but is too quick»

(10) «We have. a little **cache** uh ... It's like a little cabin up high ... off the ground...»

(11) «I was small. and my mom made a **parkie** for me ...»

В приведенных примерах привлекают внимание названия распространенных на Аляске калины и морошки, а также снегохода, заменяющего на территории более распространенное «snowmobile», специфический вариант названия типичной для жителей верхней одежды и термин «cache» для обозначения распространенного в поселениях строения для хранения продовольствия.

Одной из грамматических особенностей аляскинского английского языка пожилых атабасков в нарративах, отличающей его от стандартного американского английского, является использование времен и видов (или аспектов) глаголов. Как правило, она проявляется в частом смешении и неожиданном чередовании прошедших и настоящих времен в рассказах о событиях, произошедших в прошлом. Это может объясняться неполным усвоением английского языка из-за позднего начала обучения, а также, скорее всего, влиянием первого языка и интерференцией с ним. Дело в том, что атабаскские языки наряду с категорией будущего не имеют стандартного разделения на прошедшее и настоящее, заменяя его характеристикой действия по виду как завершеного и незавершеного, причем во многом определяющейся в зависимости от контекста вокруг описываемого события (Thompson, 1984). Интересен тот факт, что некоторые особенности передачи действий в прошлом и вовсе не имеют прослеживаемой связи с родным языком респондентов. Такой особенностью предстает отрицание в прошедшем времени, обозначаемое представителями старшего поколения словом

«never» вместо более привычного «did not». Возможным объяснением возникновения данной тенденции можно считать иницированную учебными заведениями коммуникацию в домашних условиях на английском с детьми, возложенную на плечи не имеющих достаточного уровня языковой свободы родителей, что опять же характерно для сообществ с неполным освоением языка (Thompson, 1984).

(12) «They **go** trapping and .. I **babysit** my little brother. baby brother ... Mom **have** a different line. and my dad **have** different line. just walk and smash it.»

(13) « It **was** a. black spruce .. it **jump** on that one. and **knock** out. then I **start** backing off. then it **jump** at me .. »

(14) «...they **got** vans and we **will** go down to California...»

(15) «I **never think** anything about river might be danger. and eh ...»

Еще одна нестандартная черта английского респондентов – употребление единственного и множественного числа. Значительное количество атабасков старшего поколения не всегда используют множественные формы существительных и глаголов там, где это было бы необходимо в стандартном английском. Также в некоторых случаях наблюдается гиперкоррекция. Помимо неполного освоения второго языка стоит в качестве причины допустить и то, что в языках Аляски категория числа выражается несколько другими способами (например, в атабаскских языках почти не существует полноценных множественных форм существительных и т.д.).

(16) «I would say change **spoil** people»

(17) «...so. us **older kids has** to go. take turns in making fire at school»

(18) «I **were** told. we were eighteen kids. eighteen **childrens.**»

Характерно и то, что респонденты-носители Alaskan English, часто не используют артикли или делают это специфическим образом. К повлиявшим на это факторам можно причислить то, что языки коренных жителей Аляски не имеют аналогов артиклей английского языка.

(19) «I **make sign** of cross...»

(20) «That **was first time** I rode a horse too.»

(21) «...we used to live **round mountain...**»

(22) «...go to a **highschool...**»

(23) «...we just make **a dough...**»

2. Нарративы следующего поколения

Переходя к первым результатам анализа рассказов следующего поколения жителей Николая, следует обратить внимание на то, что для основной части представителей главным языком коммуникации в их семье, со сверстниками в школе и т.д. являлся английский. Почти все респонденты уже вообще не владеют (или почти не владеют) верхнекускоквимским атабаскским и общаются со своим поколением и последующими поколениями исключительно на английском. Однако в некоторых случаях респонденты сталкивались с атабаскским в детстве. Это происходило либо во время взаимодействия с некоторыми пожилыми местными жителями, либо потому, что их родители по каким-то причинам не посещали упомянутую ранее открывшуюся в 1940-х школу и учили английский самостоятельно, осуществляя некоторую долю коммуникации на родном языке. В одном интервью также упоминалось, что родители употребляли местный язык в качестве «секретного», когда не хотели, чтобы их уже англоязычные дети вникали в разговор.

В процессе рассмотрения рассказов было замечено, что, по сравнению с боль-

шинством представителей старшего поколения, некоторые респонденты в интервью были немного более многословными и использовали в речи большее разнообразие конструкций. Однако в их речи все также присутствовали многие из ранее упомянутых характеристик Alaskan English. К примеру, несмотря на то, что респонденты уже почти не встречались с атабаскской нарративной культурой, в рассказах тех, кто слышал истории пожилых родственников или просто членов сообщества в детстве, иногда заметны характерные повторения и цикличность. Один из примеров приведен ниже.

(24) «Yeah I know but. I guess one time when all the guys left you know **they were out hunting. they were out hunting ...** I guess and they started shooting at that one you know and do it behind a comfortable bush. **And then like there was another one they thought it kept going. And so they kept shooting** at it and I guess later on that evening the men came back **and they found seven moose over there ... They said they thought it was that one going through the brush here. So they kept shooting at it and they caught seven of them**»

Также в интервью были часто употребляемы традиционные дискурсивные маркеры. Так же, как и в случае старейшин, «and» с заполненными паузами и «you know» использовались данным поколением либо для завершения мысли, либо для придания динамичности повествованию.

(25) «He used to tell us stories about. in our language. it was spoken in our Alaskan language. **and eh...**»

(26) «My dad built his own boat. for his own family **and so um...**»

(27) «That was (um) different. **you know.** even in our flat here (um) just going twenty or forty miles any direction=the land is different. So I kind of miss that. **you know.**»

these days you riding a snow mushing. **you know.** it's so loud and dog team is quiet.»

(28) «And (um) he was just really (um) one of the quietest competitors that (um) I've ever seen and. **you know.** he always knew exactly what to do with his dog team and. **you know.** he never raised his voice.»

В некоторых интервью встречается специфическая для региона и жизни в нем лексика, например, такая как «dog mushing», понятие, обозначающее гонки или просто езду на собачьих упряжках, которые были основным средством передвижения до появления снегоходов, а также понятие «dog musher», обозначающее управляющего упряжкой человека. Появлялись эти термины в интервью респондентов, которые профессионально занимались деятельностью, связанной с такими соревнованиями. В остальных случаях встречались в рассказах и уже знакомые «snowmachine», «cache» и т.п.

(29) «We always had (um) one hundred **dog mushers...**»

(30) «...that's why everybody started into **dog mushing**»

(31) «My dad had a **snowmachine** and I remember the first **snowmachine race** from McGrath

(32) «I think **snowmachines** started coming around. in seventies something.»

(33) «We used to have a big huge **cache...**»

Что касается времен глаголов, в нарративах нового поколения, также как и у старейшин, встречается смешивание времен. Респонденты употребляют настоящее время глаголов вместе с прошедшим во время повествований о прошлых событиях.

(34) «It **was** kind of hard. but (um) I **get** through. so.»

(35) «We **spoke** it and **understand** it »

(36) «It **starts** at 6 o'clock in the mornings. cause I **was going** to school during that time.»

(37) «We **would go** to different camp. so in March **we'll** go to (uh) my dad's trapping cabin. and he .. **take** us over there where he **was trapping** for beaver»

В интервью встречаются и случаи смешения единственного и множественного чисел, в особенности несоответствие числа существительного и глагола, и также специфического использования артиклей, причем вне зависимости от того, слышал ли респондент с детства исключительно английский или английский и элементы атабаскского. Можно объяснить это тем, что респонденты уже с самого начала впитывали особую версию английского языка с порожденными ранее неполным усвоением языка родителями и интерференцией с местным языком нюансами.

- Смешение единственного и множественного чисел

(38) «there **was no snowmachines** == hardly any snowmachines around»

(39) «There **was books** from Ray Collins and Betty.»

(40) «**It was** (um) really good **years** for me you know.»

- Специфическое употребление артиклей (или их отсутствие)

(41) «...going to a school...»

(42) «It **was framed** building with (uh) insulation.»

Выводы, обсуждение и перспективы исследования

В целом материалы и первичные результаты их анализа демонстрируют за-

крепление социокультурных и лингвистических особенностей Alaskan English в местном обществе в последующем поколении, несмотря на небольшие различия в бэкграунде респондентов. Что касается обучения еще более молодых поколений и их английского, в своем исследовании Тарлоу и Джонс приходят к похожим результатам. Оно показывает, что даже у самых младших школьников сельских регионов сохраняются и ярко проявляются особенности местного английского. В частности, Тарлоу и Джонс объясняют это уровнем грамотности их родственников и тем, что Village English уже достаточно продолжительное время является основным средством общения в семьях. Члены семей коренных жителей употребляют больше нестандартных форм; привыкая к общению с такими особенностями в домашних условиях, ученики трудно перестраиваются на стандартный язык в школьном контексте. Постоянное «балансирование» между различными формами коммуникации отрицательно сказывается на успеваемости и усвоении материала (Jones et al., 2013: 4).

Нельзя не указать на то, что в процессе изучения аляскинского английского возникает ряд вопросов, на которые пока нет точного ответа и которые требуют глубокого размышления и поиска «зацепок» для дальнейшей работы. Например, вызывает интерес факт наличия или отсутствия таких существенных особенностей английского на Аляске, которые кардинально бы выделяли его среди других региональных вариантов английского языка, прошедших процесс креолизации. Также во время анализа каких-либо характеристик речи носителей логично задать следующий вопрос: можно ли точно определить, что же в большей степени сыграло роль в их формировании: черты местных языков или неполное усвоение английского местными жителями, и возможно ли привести однозначные доказательства в пользу той или иной точки зрения?

В заключение хотелось бы заметить, что затронутая в данной работе тема представляет собой очень массивный «пласт»

и благодатную почву для продолжения исследования в обозначенной области; полученные данные могут послужить фундаментом для более глубокого изучения феномена Alaskan English. Учитывая тот факт, что на территории штата проживают несколько групп коренных народов, носителей типологически разных языков, одной из траекторий является подробное изучение подвидов аляскинского английского, на которых говорят также эскимосы

и алеуты региона, а также сравнение их между собой. Вместе с тем целесообразно провести сравнительный анализ аспектов явления с языком англо-американцев, населяющих Аляску, для которых английский изначально является родным. Более того, еще одной важной задачей для будущих исследований предстает продолжение межпоколенческого сопоставления дискурса представителей разных коренных народов территории.

Список литературы

Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 2018, 54, 29–41.

Голомидова П. С., Сабуров А. А. Государственная политика в отношении коренных народов Аляски: исторический обзор и современные проблемы. *Арктика и Север*, 2016, 25, 61–77.

Григорьева А. А. Опыт исследования регионального варианта английского языка на Аляске. *Выпускная квалификационная работа* (степень магистра). Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2022, 67.

Петров А. Ю. История и наследие Русской Америки: проблемы, направления, перспективы исследований. *Новая и новейшая история*, 2016, 5, 177–182.

Разумовский И. В. Уступка Россией Аляски США и закат Русской Америки. *Локус: люди, общество, культуры, смыслы*, 2, 2015, 15–26.

Шейна И. М., Сидорина Е. И. Русские заимствования в языках коренных народов Аляски как отражение историко-культурного наследия Русской Америки. *Вестник Томского государственного университета*, 2020, 457, 53–60.

Alton T. L. *Federal policy and Alaska Native languages since 1867*. Fairbanks, University of Alaska, 1998, 391.

Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people. In: *Journal of American Indian Education*, 2001, 1(40), 1–30.

Bergelson M. Maintaining tradition: Thematic and structural coherence in personal stories by Northern Athabaskans. In: *Anthropological Linguistics*, 2019, 2(61), 183–219.

Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 1989, 308.

Jones A., Tarlow, M. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco CA, 2013, 1–20.

Krauss M. E. *Alaska Native Languages: Past, Present, and Future*. Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1980, 110.

Martindale V. F. Moving Mountains in the Intercultural Classroom. In: *Ethnic Studies Review*, 2002, 1(25), 56–65.

Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody press, 1963, 189.

Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991, 294.

Thompson C. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education, 1984, 84.

Thompson H. *Education for Cross-Cultural Enrichment: Selected Articles from Indian Education 1952–64*. Washington. D.C., Bureau of Indians Affairs Branch of Education, 1964, 178.

References

- Bergelson M. B., Kibrik A. A. Russkij jazyk na beregah zaliva Kuka: samoidentifikacija kul'tury v uslovijah izoljacii [The Russian language in the Cook Inlet area: self-identification in the situation of cultural isolation]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija [Tomsk State University Journal]*, 2018, 54, 29–41.
- Golomidova P. S., Saburov A. A. Gosudarstvennaja politika v otnoshenii korenyh narodov Aljaski: istoricheskij obzor i sovremennye problemy [State policy towards indigenous peoples of Alaska: historical review and contemporary issues]. In: *Arktika i Sever [Arctic and North]*, 2016, 25, 61–77.
- Grigoryeva A. A. *Opyt issledovanija regional'nogo varianta anglijskogo jazyka na Aljaske [Experience of Researching the Regional Variety of English in Alaska]*. MA thesis. Moscow, HSE University, 2022, 67.
- Petrov A. Iu. Istorija i nasledie Russkoj Ameriki: problemy, napravlenija, perspektivy issledovanij [Historical and cultural heritage of Russian America: issues, trajectories, research perspectives]. In: *Novaja i novejšhaja istorija [Modern and Contemporary History]*, 2016, 5, 177–182.
- Razumovskij I. V. Ustupka Rossiej Aljaski SShA i zakat Russkoj Ameriki [Russia's concession of Alaska to the United States and the decline of Russian America]. In: *Lokus: ljudi, obshhestvo, kul'tury, smysly [Locus: people, society, culture, meanings]*, 2015, 2, 15–26.
- Sheina I. M., Sidorina E. I. Russkie zaimstvovanija v jazykah korenyh narodov Aljaski kak otrazhenie istoriko-kul'turnogo nasledija Russkoj Ameriki [Russian Borrowings in the Languages of Alaska Indigenous Peoples as a Manifestation of the Historical and Cultural Heritage of Russian America]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2020, 457, 53–60.
- Alton T. L. *Federal policy and Alaska Native languages since 1867*. Fairbanks, University of Alaska, 1998, 391.
- Barnhardt C. A history of schooling for Alaska native people. In: *Journal of American Indian Education*, 2001, 1(40), 1–30.
- Bergelson M. Maintaining tradition: Thematic and structural coherence in personal stories by Northern Athabaskans. In: *Anthropological Linguistics*, 2019, 2(61), 183–219.
- Hall E. T. *Beyond Culture*. New York, Anchor Books, 1989, 308.
- Jones A., Tarlow M. Alaskan Language and Literacy Instruction: Dialect Attitudes. *Conference: American Educational Research Association*. San Francisco CA, 2013, 1–20.
- Krauss M. E. *Alaska Native Languages: Past, Present, and Future*. Fairbanks, Alaska Native Language Center, 1980, 110.
- Martindale V. F. Moving Mountains in the Intercultural Classroom. In: *Ethnic Studies Review*, 2002, 1(25), 56–65.
- Rodli A. *North of Heaven. A Teaching Ministry among the Alaskan Indians*. Chicago, Moody press, 1963, 189.
- Tabbert R. *Dictionary of Alaskan English*. Juneau, Denali Press, 1991, 294.
- Thompson C. *Athabaskan Languages and the Schools. A Handbook for Teachers*. Juneau, Alaska Department of Education, 1984, 84.
- Thompson H. *Education for Cross-Cultural Enrichment: Selected Articles from Indian Education 1952–64*. Washington. D.C., Bureau of Indians Affairs Branch of Education, 1964, 178.